

Научная статья

УДК 82 (092) "18"

DOI 10.17223/18137083/77/7

**Е. П. Ковалевский и Ф. М. Достоевский:
общественные и литературные связи**

Елена Владимировна Александрова

Томский государственный университет

Томск, Россия

alexandrova.aulena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2451-7026>

Аннотация

Статья посвящена взаимоотношениям Е. П. Ковалевского и Ф. М. Достоевского в 40-е и 60-е гг. XIX в. Рассматриваются общественно-политические взгляды писателей в период их участия в кружке М. В. Петрашевского и собраниях С. Ф. Дурова и А. И. Пальма. Дружеские отношения Е. П. Ковалевского и Ф. М. Достоевского найдут продолжение в рамках деятельности Литературного фонда. Впервые приводятся неопубликованные письма Ковалевского Достоевскому и письма Пальма Ковалевскому.

Ключевые слова

Е. П. Ковалевский, Ф. М. Достоевский, петрашевцы, Литературный фонд, восточный вопрос

Для цитирования

Александрова Е. В. Е. П. Ковалевский и Ф. М. Достоевский: общественные и литературные связи // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 82–96. DOI 10.17223/18137083/77/7

**E. P. Kovalevsky and F. M. Dostoyevsky:
social and literature connections**

Elena V. Alexandrova

Tomsk State University

Tomsk, Russian Federation

alexandrova.aulena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2451-7026>

Abstract

The paper is dedicated to the relationship of E. P. Kovalevsky and F. M. Dostoyevsky in the 40s and 60s of the 19th century. The work examines the writers' socio-political views during the period of their participation in the circle of M. V. Petrashevsky and the meetings of S. F. Durov and A. I. Palm. Both writers being influenced by the ideas of the Petrashevtsy inevitably affected their work and, in particular, the narrator's, the typology of heroes.

© Александрова Е. В., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 82–96
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 82–96

The friendly relationship between E. P. Kovalevsky and F. M. Dostoevsky was to be continued within the framework of the Literary Fund activities. Kovalevsky highly appreciated Dostoevsky's work in the Fund. Since 1860, the writer was an indispensable participant in all literary readings and performances. Consideration is given to the aspects of mutual understanding and mutual influence bringing the two artists together in solving complex issues: the attitude to Russian life, the situation and psychology of modern man in Russia and the West, the Eastern question on the example of Kovalevsky's essay "An episode from the war of the Montenegrins with the Austrians" and chapters from "A Writer's Diary" for July – August 1876 "Idealist-Cynics" and "Should One Be Ashamed of Being an Idealist?" by Dostoevsky. They are united by a caring attitude towards the Slavic peoples. For the first time, this paper presents the unpublished letters of Kovalevsky to Dostoevsky and the letters of Palm to Kovalevsky.

Keywords

E. P. Kovalevsky, F. M. Dostoevsky, Petrashevtsy, Literary Fund, Eastern question

For citation

Alexandrova E. V. E. P. Kovalevsky and F. M. Dostoyevsky: social and literature connections. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 82–96. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/777

Творчество Е. П. Ковалевского и Ф. М. Достоевского не становилось объектом пристального изучения в литературоведении. В комментариях к Полному собранию сочинений Достоевского указывается, что с Ковалевским он мог познакомиться «по вступлению в члены Литературного фонда» [Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 573], т. е. в 1859 г. Но истоки этого знакомства, а впоследствии и дружбы, следует искать гораздо раньше. В 40-е гг. оба писателя посещали кружок Петрашевского. Эта страница биографии Достоевского исследована достаточно подробно [Бельчиков, 1971; Фридлендер, Осповат, 1994]. О деятельности Ковалевского в качестве петрашевца сведений совсем мало. Подтверждение этому факту находим в воспоминаниях племянника путешественника, П. М. Ковалевского:

Кружок молодежи, только что успевшей встать со скамей корпусов и университетов, а не кружок сверстников, доставлял близких людей этому человеку, бывшему на 12–15 лет их старше. Сколько так называемых «петрашевцев» собиралось у него по вечерам, и какая совершалась тут уголовщина, вроде чтения известного письма Белинского к Гоголю... Тогда это было преступно вообще; но если подпоручикам и коллежским регистраторам оно было просто преступно, то украшенному орденами штаб-офицеру, каким был Е. П., сугубо преступно. И, конечно, одна счастливая случайность борьбы двух соперничавших ведомств, – из которых одно, по обязанности своей доносящее, не успело донести, а другое донесло из любви к искусству, – спасла нашего путешественника от поездки на ту сторону Невы, в место покрепче его киргизского укрепления... Шеф жандармов (граф Орлов) пообещал «согнуть в бараний рог» всякого, кто посмеет раздуть дело, открытое министром внутренних дел (Перовским); никто не усомнился, что обещание будет исполнено, – и дело раздуто не было [Ковалевский, 1928, с. 319].

О посещении Ковалевским пятниц Петрашевского в материалах следственного дела не упоминается. Лишь в показаниях А. П. Беклимишева встречается незнакомый ему человек: «высокий, худощавый, стройный офицер в серебряных эпо-

летах (последнее слово подчеркнуто)» [Дело петрашевцев, 1941, т. 2, с. 365]. Внешнее описание очень точно подходит под портрет Ковалевского.

Имя Ковалевского приводится еще в двух показаниях. В 1844 г., вернувшись после путешествия по Карпатам и Балканам, Егор Петрович познакомился с будущими петрашевцами С. Ф. Дуровым и А. И. Пальмом. Молодые люди были симпатичны братьям Ковалевским и часто бывали у них в гостях, о чем и сообщали на следствии. Например, из показаний Дурова следует:

Бывал же я по временам у гг. Ламанских, М. Достоевского, <...> у полковника горных инженер[ов] Ковалевского и у г. Петрашевского иногда по пятницам [Там же, 1951, т. 3, с. 194].

Подобные сведения обнаруживаются и в словах Пальма:

Из людей истинно почтенных, знавших меня коротко в последнее время, может что-нибудь сказать обо мне сенатор Евграф Петрович Ковалевский, у него в доме я был принят как родной [Там же, с. 264];

Каждое воскресенье я проводил в доме сенатора Е. П. Ковалевского, где был принят как родной. Был в весьма коротких отношениях с братом его полковником горных инженеров Ковалевским [Там же, с. 269].

На вопрос о переписке из-за границы Пальм называет только «маленькую записку от полковника Ковалевского из Египта» [Там же]. Примечательно, что в донесении П. Д. Антонелли тоже упоминается имя сенатора Ковалевского:

Из сенаторов, известное лицо сказало, что дельные люди только Ковалевский, да может быть ещё человека два, прочие же не стоят ни гроша [Там же, с. 400].

«Известное лицо» – Петрашевский, его положительный отзыв свидетельствует об уважении к сенатору (Евг. П.) и косвенно подтверждает знакомство с братом.

Факт личного знакомства Ковалевского с Достоевским не установлен документами дела. Но известно, что Достоевский часто посещал и кружок Петрашевского, и литературные собрания Дурова и Пальма. Взгляды молодых людей были созвучны Ковалевскому. Их дружба подтверждается письмами, в которых наряду с личными и семейными новостями дается характеристика и современной литературной ситуации:

...о чём писать? На всём, чего нужно бы коснуться, лежит печать запрещения – и пиши-знай сладенькие повести с их вечными, пошлыми любовными интригами¹ (РО РНБ. Ф. 356. Ед. хр. 259. Л. 3 об.).

В этих же письмах упоминаются имена В. Г. Белинского и Достоевского:

Читали Вы Петербургский Сборник? «Бедные люди» хорошая, хотя и тяжёлая, скучноватая вещь. Потом «Двойник» того же Достоевского, просто дрянь; на 180 страницах бред без толку и связи (РО РНБ. Ф. 356. Ед. хр. 259. Л. 4).

¹ Известны 4 письма Пальма к Е. П. Ковалевскому: одно 1845 г. и три недатированных (по событиям, в них упоминаемым, можно примерно установить годы их написания – 1846-й и 1847-й).

Из писем Пальма к Ковалевскому можно вывести и умонастроение, характерное для молодежи 40-х гг.:

...вот несчастье нашего поколения: есть головы светлые, талантливые, <...>, есть идея о лучшем, – а нет поприща этим головам (РО РНБ, Ф. 356. Ед. хр. 259. Л. 3 об.).

Спустя много лет Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 г. вспомнит о том времени:

Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма. <...> Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими. <...> Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю правду этого грядущего «обновленного мира» и во всю святость будущего коммунистического общества еще Белинским [Достоевский, 1980, т. 21, с. 130–131].

Наибольший интерес у молодых людей вызывали споры о русской и европейской литературе, цензуре. На допросах следствия Пальм приведет рассуждения Петрашевского, который говорил, «что цензура стала оттого строже, что литераторы хотят своими сочинениями заставить публику сделать скачок из понятий теперешнего русского общества в понятия современного европейского <...>. В противоположность им указал он на Сю и Занда, которые берут содержание для своих романов из идей, волнующих окружающее их общество, и потому находят в нём отголосок» [Дело петрашевцев, 1941, т. 2, с. 164]. Петрашевский был убежден, что писатели должны чувствовать «себя в государстве деятелями, а не чем-то лишним, какою-то роскошью, <...> тогда цензоры не могли бы своевольно вымарывать, но писатель вступался бы за вымаранные места и апеллировал бы в цензурный комитет» [Там же].

В 1840-е гг. и Ковалевский, и Достоевский находятся под влиянием идей петрашевцев, что не могло не отразиться на их творчестве и не проявить себя в создании образа повествователя, типологии героев.

Повесть Ковалевского «Люди странствующие – люди страждущие» была напечатана в журнале «Библиотека для чтения» в январских номерах 1848 и 1849 гг. События, сначала разворачивающиеся в провинциальном городке, а затем в столице, объединяет тема искусства и тема воспитания личности. «Небогатую событиями провинциальную жизнь разнообразят происшествия. Их, особенно в маленьких городках, не так много, а потому они запоминаются» [Голубков, 2010, с. 111]. Таким событием в жизни провинциального городка становится появление труппы бродячих артистов. Обращение к этой теме было достаточно популярным в 1840-е гг. Это связано в том числе с произведениями Жорж Санд². «Творческое усвоение» идей французской писательницы проявилось в «социальности», симпатии к демократическому герою, ее талант «живописца природы и психолога» оказал огромное влияние на таланты «беллетристические» [Кафанова, 1998, с. 8]. По мнению Е. Н. Купреяновой, творчество Ж. Санд воздействовало на натуральную

² В 1847 г. в № 1 «Отечественных записок» был опубликован роман Ж. Санд «Лукреция Флориани», в котором представлен мир артистов (плебейка Лукреция) и мир аристократов (Кароль).

школу, «на её реалистические принципы, демократические устремления и социалистические искания» [Купреянова, 1969, с. 105].

В повести Ковалевского рассказано, как девочка, выросшая в нищете, впервые оказавшаяся в доме правителя Каратабана, получает не только первые уроки аристократического воспитания, но и знакомится с искусством. Альпин, главный герой произведения, развивает в ней артистический талант и, сам того не понимая, становится тем человеком, без которого теперь уже не мыслит своего существования Ляля. В этом контексте прослеживаются аллюзии на незаконченный роман Достоевского «Неточка Незванова». Первые две части его были опубликованы в 1-м и 2-м номерах «Отечественных записок» за 1849 г., но еще в середине 1848 г., по воспоминаниям П. П. Семёнова-Тян-Шанского, автор «читал отрывки из своих повестей “Бедные люди” и “Неточка Незванова”» [Семёнов-Тян-Шанский, 1917, с. 197] на собраниях у Петрашевского. Проблемы, связанные со становлением личности молодого человека (ребенка, девушки), гуманистическое отношение к страдающему человеку сближают оба произведения.

Взаимоотношения Ковалевского и Достоевского найдут продолжение в рамках деятельности Литературного фонда. Ковалевский стоял у истоков его создания и долгие годы был председателем (с 1859 по 1868 г., за исключением выхода его по жребию из состава комитета). Достоевский был принят в члены общества 20 декабря 1859 г. и состоял в нем до самой смерти. За это время он был выдвинут в состав Комитета, а 2 февраля 1863 г. даже избран секретарем Литературного фонда³. «С этого времени, – как пишет один из немногих исследователей жизни и творчества Ковалевского Б. А. Вальская, – связь между ним и Достоевским становится более тесной и переходит почти в дружбу, которая продолжалась до самой смерти Е. П. Ковалевского» [Вальская, 1994, с. 244].

Ковалевский высоко ценил деятельность Достоевского в Фонде. Не так давно вернувшийся в Петербург писатель был непременным участником всех литературных чтений и спектаклей начиная с 1860 г. Ковалевский в официальном письме к Достоевскому от 11 мая 1860 г. «от имени всего Общества и еще более от имени нуждающихся литераторов» писал:

Комитет вменяет себе в неизменную обязанность выразить Вам свою чувствительную благодарность за труды Ваши по двум спектаклям, данным в пользу Общества. Чистый сбор с этих спектаклей покрыл все расходы на пособие нуждающимся литераторам и ученым за целое полугодие со дня открытия Общества. Этим блистательным результатом оно обязано трудам Вашим и сотрудников Ваших. Не жалея дорогого времени, Вы радужно жертвовали им на пользу ближних. <...> Вы благодарно потрудились на общую пользу, и услуга Ваша Обществу никогда не изгладится из памяти всех, кто только сочувствует отечественной литературе [Орнатская, 1987, с. 241].

Писатель читал отрывки из произведений: «Униженные и оскорблённые», «Записки из мёртвого дома», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Преступление и наказание». Оказание помощи нуждающимся литераторам входило в обязанности членов Комитета. Достоевский неоднократно «испрашивает» помощи собратям по перу, уже в первый же год своего членства через Фонд помогает товарищу по ссылке, отбывавшему с ним вместе более четырех лет каторги, пет-

³ Подробнее об этом см.: [Орнатская, 1987; Заборова, 1975; Якубович, 1987].

рашевцу Дурову [Забокова, 1975, с. 160]. По поручению Ковалевского он «собирает и доставляет» сведения о тех, кто попал в «затруднительные обстоятельства» [Там же, с. 159]. Посещение «петербургских трущоб», подвалов, чердаков давало материал будущему автору «Униженных и оскорбленных», а активное и неравнодушное участие в делах Фонда, впоследствии и Комитета, не могло не импонировать его председателю.

В указателе имен к Полному собранию сочинений Достоевского Ковалевский упоминается в качестве дипломата, путешественника, писателя:

Как председатель Комитета Литературного фонда был постоянно внимателен и доброжелателен к просьбам Достоевского и первым пошел на нарушение принятого в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым правила не предоставлять ссуд членам Комитета [Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 573].

Помощь Достоевскому в трудный для него период (прекращение выхода журнала «Время», смерть жены, тяжелая болезнь и смерть брата, закрытие журнала «Эпоха», огромные долги, состояние собственного здоровья) при непосредственном участии председателя Фонда стала предметом пристального внимания как современников, так и некоторых исследователей его творчества⁴. Достоевский дважды получал немалые займы в 1863 и в 1864 гг., и Ковалевский вынужден был отчитываться перед общим собранием Общества 17 апреля 1865 г., вызванным «особым мнением», которое подал П. Л. Лавров по поводу незаконной, по его мнению, выдачи двух больших ссуд суммой в 1 500 руб. члену Комитета Достоевскому. Ковалевский выступил на этом собрании с речью в защиту писателя:

Было бы довольно странным отказывать в пособии литератору вполне заслуживающему этого пособия и по своим литературным трудам, и по положению, до которого он доведён случайными обстоятельствами, потому только, что он не желает принять это пособие БЕЗВОЗМЕЗДНО (строчное выделение автора. – Е. А.), обязуясь возвратить его в известный срок, и потому ещё, что буква устава не ясна, таковою осталась и после долгих прений (цит. по: [Вальская, 1994, с. 250–251]).

И хотя «общее собрание вотировало Комитету доверие, Достоевский всё же счел себя обязанным выйти из Комитета» [Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 420]. Следует отметить, что Достоевский и прежде несколько раз подавал прошение о выходе из Комитета (см. письма Ковалевскому от 20 июля 1863 г. и от 9 мая 1865 г.), но принимать его отставку председатель не хотел, и только после замечаний ревизионной комиссии пришлось согласиться с его уходом.

Достоевский и несколько лет спустя с горечью вспоминал об этих событиях. В письме к А. Н. Майкову от 13 апреля 1871 г. он писал:

В 64 году я выпросил себе вспоможение за границу по болезни. (Иначе что бы я стал делать с тогдашнею моею падучею, да еще в петербургском климате.) Из-за этого Лавров и с ними 100 человек подняли такой гам, что я должен был выйти из членов Комитета. Будь пострадавший – больной, искалеченный физически и нравственно – вечный труженик, они плюнут, а не помогут. А будь нигилист, сейчас вспоможение дадут. Вы вспомните,

⁴ Подробнее об этом см.: [Вальская, 1994, с. 248–251].

из кого там состоит Комитет! С позором откажут [Достоевский, 1986, т. 29, кн. 1, с. 195].

Очевидно, что мнение о деятельности Общества у Достоевского изменилось. В этот период в число членов Литературного фонда входили сотрудники журналов «Отечественные записки», «Дело», «Вестник Европы», которые Достоевский считал «рассадниками нигилизма и либерализма» [Там же, с. 466]. И хотя писатель состоял в Обществе до самой смерти, годы его активной деятельности в Литературном фонде до момента выхода из Комитета совпали «с самой плодотворной полосой во всей истории его существования» [Орнатская, 1987, с. 238] и были тесно связаны с именем Ковалевского. Подтверждение этому находится в многочисленных документах, подписанных председателем Фонда и его секретарем, а также в переписке Достоевского ⁵.

Известно четыре письма Достоевского к Ковалевскому. Все они касаются финансовых вопросов, и два из них неоднократно комментировались в связи с выделением ссуд. Представляют интерес два неопубликованных письма Ковалевского Достоевскому, которые хранятся в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки. Оба письма без даты, но установить год первого из них не сложно. Речь идет о предстоящих выборах в члены комитета, которые приходились на 2 февраля 1863 г. Ковалевский обращается с настоятельной просьбой дать свое согласие:

...для того, чтобы иметь право внести Вас в список, необходимо иметь Ваше на то согласие. Позвольте Вас убедительнейше просить не отказывайтесь: занятий немного; иметь же Вас членом – честь для комитета, а сочленом – особенное удовольствие для меня лично. В ожидании не иначе как удовлетворительного ответа, остаюсь душевно Вам преданный Ковалевский (РО РГБ. Ф. 93. К. 5. Ед. хр. 80. Л. 1 об.).

Тон послания не позволяет усомниться в характере отношений двух писателей – дружеском и уважительном.

Второе письмо представляет собой небольшую записку с просьбой:

Сделайте одолжение, уважаемый Фёдор Михайлович, соберите имеющиеся у Вас оттиски моих путевых записок (Италии, Швейцарии и проч.) и потрудитесь вручить их подателю этой записки. Мне понадобились названные вещи, а Вы их конечно давно пробежали. Душевно Вам преданный Ковалевский. Понедельник (РО РГБ. Ф. 93. К. 5. Ед. хр. 80. Л. 2).

Это письмо также датируется, предположительно, 1863 г. В комментариях к Полному собранию сочинений указывается, что Ковалевский давал читать Достоевскому «Путевые записки». Под таким названием у путешественника существуют «Путевые записки о Славянских землях», но они были опубликованы еще в 1859 г. К тому же в них речь не идет о Швейцарии, а об Италии упоминается только в описании города Триеста, который в период посещения его Ковалевским был «самым космополитическим городом в Европе».

Триест более не итальянский город; итальянцу здесь всё чужое – и правительство, и законы, и язык, на котором распоряжаются австрийцы. Еще менее можно назвать Триест городом немецким: здесь ничто не любит

⁵ См.: [XXV лет..., 1884; Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 36, 37, 123, 125–126].

немцев, и самое небо голубое и ясное, небо итальянское, стало чаще хмуриться в последнее время [Ковалевский, 2017, с. 99–100].

Италия будет присутствовать в другом произведении, напечатанном в 1864 г. в журнале Достоевских «Эпоха»: «Эпизод из войны Черногорцев с австрийцами. Из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории и Италии». Учитывая, что Ковалевский в начале июля 1862 г. был в Баден-Бадене, и первая поездка Достоевского за границу состоялась в 1862 г., о чем он позже напишет в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «Я был в Берлине, в Дрездене, в Висбадене, в Баден-Бадене, в Кельне, в Париже, в Лондоне, в Люцерне, в Женеве, в Генуе, во Флоренции, в Милане, в Венеции, в Вене, да еще в иных местах по два раза, и всё это, всё это я объехал ровно в два с половиною месяца» [Достоевский, 1973, т. 5, с. 46], вполне возможно, что писатели могли обсуждать впечатления о путешествиях. Факт работы над «Зимними заметками» подтверждается и чтением 10 апреля 1863 г. на литературно-музыкальном вечере в зале Благородного собрания отрывков из них. Тон этого письма несколько отличается от предыдущего. При соблюдении вежливой формы («душевно Вам преданный») появляются канцеляризмы «сделайте одолжение», «потрудитесь вручить их подателю этой записки», что можно объяснить либо требованиями официальной почты, либо тайным смыслом: обыграть официоз ввиду их дружеского общения.

Еще одно письмо из архива Достоевских подтверждает факт заинтересованного участия Ковалевского в судьбе писателя. Это письмо Ковалевского А. С. Энгельгардту в Императорскую Российскую Миссию в Константинополе:

Передаю вашему обязательному покровительству, многоуважаемый Александр Сергеевич, члена нашего Лит. Комитета, в котором некогда вы принимали такое живое участие. Достоевский, известный литератор. Вы крайне меня обяжете, если обставите его путешествие своим дружеским участием (РО РГБ. Ф. 93. К. 5. Ед. хр. 81. Л. 1, 1 об.)

Факт заинтересованности Ковалевского в судьбе Достоевского очевиден. «Обязательное покровительство» исключает всякое равнодушное участие. Но их связывали не только дружеские отношения. Ковалевский ценил талант Достоевского. Последний в «Дневнике писателя» за 1871 г. в главе «Нечто личное» вспоминает:

Раз весной поутру я зашел к покойному Егору Петровичу Ковалевскому. Ему очень нравился мой роман «Преступление и наказание», появившийся тогда в «Русском вестнике». Он с жаром хвалил его и передал мне один драгоценный для меня отзыв одного лица, имени которого не могу выставить.

Именно Ковалевский предложил писателю выступить на вечере в пользу Литературного фонда 18 марта 1866 г., где и состоялось первое публичное чтение отрывка из «Преступления и наказания» (разговор Мармеладова с Раскольниковым из II главы первой части)⁶.

⁶ См. об этом переписку Достоевского с Я. К. Гротом, Е. П. Ковалевским: «Я говорил Егору Петровичу, что буду читать 2-ю главу первой части моего романа “Преступление и наказание”, – так как тут отдельный эпизод. Егор Петрович это одобрил. Вставок не сделаю ни одного слова, но сокращения некоторые сделаю, что, конечно, возможно». 14 марта 1866 г. Я. К. Гроту [Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 153].

Ковалевский старался поддержать журнал Достоевских «Эпоха», что очевидно из переписки Достоевского с Тургеневым. В письме от 20 сентября 1864 г. читаем:

Любезнейший и многоуважаемый Иван Сергеевич, Егор Петрович говорил мне, что Вы, во-1-х, хорошо расположены к нашему журналу, а во-2-х, рассказывал мне, что и Вы, и он в Бадене были в некотором недоумении насчет имени Порецкого, объявленного нашим официальным редактором. Из слов Ковалевского я понял (если не ошибаюсь), что если Вы и дали бы нам, может быть, Вашу повесть или роман в «Эпоху» (то есть в будущем, когда напишете), но незнакомое имя Порецкого теперь Вас способно отчасти остановить [Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 102].

Достоевскому необходимо заручиться поддержкой именитого писателя ⁷:

Ваше участие для нас слишком много значит. Если нас поддержите – не расклетесь [Там же, с. 103].

Следующее письмо от 14 декабря 1864 г. свидетельствует, что Ковалевский по-прежнему содействует Достоевскому в привлечении Тургенева к сотрудничеству с «Эпохой»:

Вы обещали, в случае если у Вас будет повесть, не забыть нас. Теперь, для журналов, время самое критическое. Если б можно было в январе поместить хоть что-нибудь Ваше, – было бы великолепно. Не претендую ни на что; к тому же Вы сказали, чтоб Вас не беспокоить. Но здесь говорят и даже печатали, что у Вас начат ряд рассказов и некоторые окончены. Говорил об этом мне и Ковалевский [Там же, с. 108].

Тургенев в ответных письмах Достоевскому пишет:

...от всей души готов содействовать его [Вашему журналу] успеху, по мере сил – и даю Вам обещание первую написанную мною вещь поместить у Вас; но определить срок, когда эта вещь будет написана, мне невозможно... [Там же, с. 411].

В ответ на декабрьское письмо Тургенев сообщает (28 декабря 1864 г.), что рассказ «Собака», «о котором была речь в разных журналах, действительно существует, <...> но я решился, по совету всех моих приятелей, не печатать этой безделки» [Там же, с. 415]. Через два месяца, в феврале 1865 г., журнал был закрыт, и надеждам Достоевского не суждено было сбыться.

Участие самого Ковалевского в делах журнала подтверждается и публикацией в 3-м номере «Эпохи» за 1864 г. очерка «Эпизод из войны черногорцев с австрийцами. (Из воспоминаний очевидца о войне за независимость Черногории и Италии)». В. С. Нечаева в книге «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских “Эпоха”. 1864–1865» в главе IV «Политическое обозрение. Очерки иностранной жизни» в числе прочих останавливается на произведении Ковалевского, обращая внимание толь-

⁷ В первом номере «Эпохи» была опубликована повесть Тургенева «Призраки», о чем М. М. Достоевский писал в письме к Ф. М. Достоевскому от 11–12 января 1864 г.: «Тургенев уже более недели как в Петербурге, и нынче он отдал мне свою повесть. Стало быть, первая книга явится с его именем. Он и не думал отдавать ее в “Русский вестник”» [Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 516].

ко на его общественно-политическую сторону: «Его острие направлено против Австрии, ее политики в славянских землях и оккупации итальянских владений. <...> Геройству черногорцев, итальянцев, борющихся за свободу родины, автор противопоставляет, отрицательно характеризуя их, немецко-австрийских офицеров в роли завоевателей» [Нечаева, 1975, с. 92]. Известно, что Ковалевский «был сторонником проведения Россией активной политики в Восточном вопросе и оказания военной помощи южным славянам в их борьбе за освобождение от османского гнета» [Там же], он всегда открыто высказывал свою позицию по отношению к предательству Австрии в период Восточной войны. Участник Дунайской и Крымской кампаний, Ковалевский в своих произведениях «Три главы из политической и военной истории 1853, 1854 и 1855 годов» (опубликовано в ноябрьском номере «Отечественных записок» за 1856 г.) и «Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах» (1866 г.) дает аргументированное объяснение причинам, по которым Россия вступила в войну, оправдывая политику Николая I в вопросе освобождения христианских народов. Николай I был уверен в поддержке Австрии, так как именно России она была обязана подавлением венгерского восстания 1848–1849 гг. Рассчитывая на союз с Францем-Иосифом, русский царь не учел выгоду, которую сулил австрийскому императору Наполеон III. Разногласия в оценке поступков австрийского императора и роли России в освобождении славянских народов от турецкого ига стали предметом дискуссии, развернувшейся в официальных и неофициальных кругах. В статье «Восточный вопрос с русской точки зрения 1855 года», которая распространялась во время Крымской войны в рукописном виде, автор (Б. Н. Чичерин, а не Т. Н. Грановский, как полагали тогда многие) подвергает критике действия царского правительства в противовес «официальной и славянофильской пропаганде», оправдывая действия Австрии боязнью «движения западных славян за своё освобождение». Поэтому Австрия «не могла не действовать против нас, и упрек неблагодарности здесь неуместен» [Достоевский, 1981, т. 23, с. 383].

Характерно, что позиции Ковалевского по отношению к славянам и предательскому поступку Франца-Иосифа будет придерживаться и Достоевский. В его полемических статьях из «Дневника писателя» за июль-август 1876 г. «Идеалисты-циники» и «Постыдно ли быть идеалистом?» подвергаются критике суждения Грановского-Чичерина прежде всего с точки зрения славянского вопроса и оправдания политики «текущей выгоды».

...с признанием справедливости плевка на честь и на совесть, лишь бы сорвать шерсти клоч, ведь с этим можно очень далеко зайти... Напротив, не лучшая ли политика для великой нации именно эта политика чести, великодушия и справедливости, даже, по-видимому, и в ущерб её интересам [Там же, с. 65].

Возмущение «коварством» политики Австрии по отношению к России читаем в произведениях обоих авторов.

Е. П. Ковалевский:

После того, как диван отказался принять ноту, составленную союзными державами, Венские конференции были закрыты, и *австрийский кабинет увлекался, всё более и более уклоняясь от вековых преданий своей полити-*

ки⁸. Морские державы с упорством следовали принятому ими плану, не сводили глаз с поступков австрийского двора и употребляли все усилия, чтоб привлечь его на избранный ими путь. Страх внутренних потрясений, страх революций постоянно представлялся взорам австрийского правительства, и, как злой дух, как кошмар, преследовал и подавлял ее даже тогда, когда вокруг всё было спокойно и, по-видимому, счастливо.

Этим страхом, этим направлением успели ловко воспользоваться западные державы, угрожая Австрии то восстанием Ломбардии, то волнением в Венгрии, то неудовольствием славянских племен, связанных кровными узами с Россией.

Таким образом, Австрия, *несмотря на вековой и натуральный союз с Россией, несмотря на недавние обязательства с нею*, подписала сначала протокол 27 ноября / 9 декабря, потом 1 / 13 января, наконец, 27-го февраля (9 апреля) [Ковалевский, 1856, с. 243].

Ф. М. Достоевский:

Он, например, *совершенно отрицает даже возможность благодарности к нам Австрии за то, что мы ей помогли в ее споре с венгерцами и буквально спасли ее от распада*. И не потому отрицает, что Австрия «коварна» и что это нам следовало предугадать; нет, он не видит никакого коварства и прямо выводит, что Австрия не могла поступить иначе. Но этого ему мало: он прямо выводит, что она и не должна была поступить иначе, что она, напротив, должна была поступить именно так, как поступила, – и что, стало быть, надежды наши на ее благодарность составляют лишь непростительный и смешной промах нашей политики. <...>

...оправдывать с таким жаром поступок Австрии, и не то что оправдывать, а прямо доказывать, что и не должна была она поступить иначе, – воля ваша, это как-то режет ум пополам. Что-то есть тут такое, с чем никак нельзя согласиться, с чем претит согласиться... [Достоевский, 1981, т. 23, с. 65].

Очерк Ковалевского написан в период Крымской кампании 1853–1855 гг., статьи Достоевского – накануне Русско-турецкой войны (1877–1878), в период Восточного кризиса, вызванного усилением национально-освободительных движений на Балканском полуострове. Но их объединяет равнодушное отношение к славянским народам. В «Дневнике писателя» Достоевский продолжает свои критические рассуждения, обращаясь к теме взаимоотношений с Европой:

...вот перед нами славянский вопрос: вот бы нам бросить теперь славян совсем! Хотя Грановский и настаивает на том, что мы хотим славянами только усилиться и действуем только для нашей практической выгоды, но, по-моему, он и тут обмолвился. Ну, какая с ними практическая выгода, даже в будущем-то, и чем тут усилишься? Средиземное-то море когда-нибудь или Константинополь, «которого нам никогда не дадут»? <...> С славянами только возня и хлопоты; особенно теперь, когда они ещё не наши. Из-за них на нас уже сто лет косится Европа, а теперь и не косится только, а – при малейшем нашем шевелении – тотчас же выхватывает меч и наводит на пас пушку. Просто – бросить их, да и навсегда, чтоб успокоить раз на-

⁸ Здесь и далее курсив мой.

всегда Европу. Да и не просто бросить их: Европа-то, пожалуй, и не поверит теперь, что мы бросили, стало быть, бросить надо с доказательствами: надо нам же самим наброситься на славян и передавать их по-братски, чтоб поддержать Турцию: «Вот-де, милые братцы славяне, государство не частное лицо, ему нельзя из великодушия жертвовать своими интересами, а вы и не знали этого?» И сколько выгод, практических, настоящих и уже немедленных выгод, а ни мечтательных каких-то в будущем, получила бы тотчас Россия! Тотчас же бы кончился Восточный вопрос [Достоевский, 1981, т. 23, с. 66–67].

Ироничный комментарий статьи Чичерина созвучен взглядам Ковалевского, который всю свою жизнь боролся за независимость славян против турецкого ига и фактически, сражаясь в Черногории на стороне славян, и «теоретически», своими произведениями, хорошо известными Достоевскому.

В письме от 30 сентября 1868 г. А. Н. Майков сообщает Достоевскому о смерти Ковалевского:

На днях схоронили Е. Петр. Ковалевского. Очень жаль этой потери; конечно, не для Литер<атурного> фонда только, но по влиянию его на нашу славянскую и азиатскую политику, по влиянию на общественные высокие сферы, где он сильно ратовал в прояснении русской идеи... (цит. по: [Вальская, 1956, с. 181]).

Ответ Достоевского известен и неоднократно цитировался в работах о Ковалевском:

Мне жаль Ковалевского, – добрый и полезнейший был человек, – так полезен, что, может быть, только по смерти его это совершенно почувствуется [Достоевский, 1985, т. 28, кн. 2, с. 324].

Но важны не только слова, подтверждающие отношения двух писателей, но и тот контекст, в котором они употреблены. В этом письме Достоевский делится с Майковым самым сокровенным. Вспоминает, как познакомились («в первый раз у Белинского, помните?»), признаётся, как дорог ему Майков («почти как покойный брат был для меня», «человек, в душу и сердце которого я верю и которого я люблю и с которым идеи наши, и убеждения наши сошлись в одно»), жалуется на тяжесть жизни вдали от Родины («нет русской жизни, нет впечатлений русских кругом», «ничего русского, ни одной книги и ни одной газеты русской не читал уже вот уже 6 месяцев», «русского воздуха нет и людей нет»). Рассуждения о славянах приводятся в контексте известия о новом журнале («желательно русского духа <...> и не чисто славянофильским») и характеристики Славянского съезда в Москве. После чего Достоевский делает вывод: «...гоняться-то бы подождать за славянами. Изучать их – дело другое; помочь тоже можно; а браться лезть не надо, но только лезть, потому что братьями их считать и как с братьями поступать с ними, несомненно, должно». Рассуждает о политике нового журнала: «литераторов <...> надо бы взять наконец в руки и за одно имя не платить, а только за дело» [Там же]. Завершает письмо Достоевский снова словами о России: «Придёт и для меня рассвет, а главное, хотелось бы мне в Россию». Передавая привет от себя и Анны Григорьевны супруге и родителям Майкова, он добавляет: «А от меня тоже и всем меня помнящим» [Там же] – и только после этого пишет о Ковалевском. Казалось бы, значимость этих слов нивелируется важностью всего сказанного ранее и носит характер учтивости. Но именно в них проявляется всё,

что сближало с Ковалевским Достоевского. И их молодость, участие в кружке Петрашевского, где за чтение письма Белинского к Гоголю Достоевский получил такое суровое наказание, а Ковалевский и братья Майковы его избежали (младший за два года до следствия умер, а старший был отпущен, но с тайным надзором); и смерть очень близких людей – братьев Михаила и Евграфа; и рассуждения о славянах⁹; и размышления о литературе и литераторах, что всегда было для Ковалевского очень важно. И словно прощальный привет Достоевского звучит в словах: «...всем меня помнящим».

Список литературы

- Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М.: Наука, 1971. 294 с.
- Вальская Б. А. Путешественник Е. П. Ковалевский и петербургские литераторы (1861–1868) // Страны и народы Востока. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. Вып. 28. С. 224–258.
- Вальская Б. А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М.: ГеографГиз, 1956. 200 с.
- Голубков С. А. Семантика и метафизика города. «Городской текст» в русской литературе XX века. Самара: Изд-во СамГУ, 2010. 166 с.
- Дело Петрашевцев: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2; 1951. Т. 3.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5; 1980. Т. 21; 1981. Т. 23; 1985. Т. 28, кн. 2; 1986. Т. 29, кн. 1.
- Заборова Р. Б. Ф. М. Достоевский и литературный фонд (по архивным документам) // Русская литература. 1975. № 3. С. 158–170.
- Кафанова О. Б. Жорж Санд и русская литература XIX века. Томск: Изд-во ТГПУ, 1998. 410 с.
- Ковалевский Е. П. Три главы из политической и военной истории 1853, 1854 и 1855 годов // Отечественные записки. 1856. Т. 109. С. 135–258.
- Ковалевский Е. П. Путевые заметки о славянских землях // Ковалевский Е. П. Собр. соч.: В 6 т. [Б. м.], 2017. Т. 5. 164 с.
- Ковалевский П. М. Встречи на жизненном пути // Григорович Д. В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. С. 287–382.
- Купреянова Е. Н. Идеи социализма в русской литературе 30–40 годов // Идеи социализма в русской классической литературе. Л.: Наука, 1969. С. 92–150.
- Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. 302 с.
- Орнатская Т. И. Деятельность Достоевского в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и учёным (1859–1866) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1987. С. 238–260.
- Семёнов-Тян-Шанский П. П. Мемуары. Пг.: Издание семьи, 1917. Т. 1: Детство и юность (1827–1855 гг.). 336 с.
- Фридлиндер Г. М., Ошоват А. Л. Комментарии: Ф. М. Достоевский. Объяснения и показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. СПб.: Наука, 1994. Т. 12. С. 396–411.

⁹ Газета «Москва» подчеркивала близость Ковалевского к славянским народам юго-восточной Европы: «Всё, что сближало, всё, что развивало взаимную дружбу, всё, что устанавливало солидарность между Россией и славянами, было для него радостно и драгоценно» (цит. по: [Вальская, 1956, с. 182]).

Якубович И. Д. Неизвестные деловые бумаги Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1987. С. 261–266.

XXV лет. 1859–1884. Сборник, изданный комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным. СПб., 1884. 592 с.

Список источников

Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РО РГБ). Ф. 93. К. 5. Ед. хр. 80, 81.

Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф. 356. Ед. хр. 259.

References

Bel'chikov H. F. *Dostoevskiy v protsesse petrashevtsev* [Dostoyevsky in the trial Petrashevists]. Moscow, Nauka, 1971, 294 p.

Fridlender G. M., Ospovat A. L. Kommentarii: F. M. Dostoevskiy. Ob'yasneniya i pokazaniya F. M. Dostoevskogo po delu petrashevtsev [Comments: F. M. Dostoyevsky. Explanations and testimony of F. M. Dostoyevsky in the Petrashevists' case]. In: Dostoevskiy F. M. *Sobr. soch.: V 15 t.* [F. M. Dostoyevsky. Collected works in 15 vols]. St. Petersburg, Nauka, 1994, vol. 12, pp. 396–411.

Golubkov S. A. *Semantika i metafizika goroda. "Gorodskoy tekst" v russkoy literature 20 veka* [Semantics and metaphysics of the city. "Urban text" in Russian literature of the 20th century]. Samara, SamSU Publ., 2010, 166 p.

Delo Petrashevtsev [The case of Petrashevists]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1941, vol. 2; 1951, vol. 3.

Dostoevskiy F. M. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t.* [Complete works and letters: in 30 vols]. Leningrad, Nauka, 1973, vol. 5; 1980, vol. 21; 1981, vol. 23; 1985, vol. 28, bk. 2; 1986, vol. 29, bk. 1.

Kafanova O. B. *Zhorzh Sand i russkaya literatura 19 veka* [George Sand and Russian Literature of the 19th century]. Tomsk, TSPU Publ., 1998, 410 p.

Kovalevskiy E. P. Putevye zametki o slavyanskikh zemlyakh [Travel notes about the Slavic lands]. In: Kovalevskiy E. P. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Kovalevskiy E. P. Collected works: in 6 vols]. 2017, vol. 5, 164 p.

Kovalevskiy E. P. Tri glavy iz politicheskoy i voennoy istorii 1853, 1854 i 1855 godov [Three chapters from the political and military history of 1853, 1854, and 1855]. *Otechestvennye zapiski*. 1856, vol. 109, pp. 135–258.

Kovalevskiy P. M. Vstrechi na zhiznennom puti [Meetings on the way of life]. In: Grigorovich D. V. *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs]. Leningrad, Academia, 1928, pp. 287–382.

Kupreyanova E. N. Idei sotsializma v russkoy literature 30–40 godov [The Ideas of Socialism in Russian Literature of the 30–40s]. In: *Idei sotsializma v russkoy klassicheskoy literature* [The ideas of Socialism in Russian Classical literature]. Leningrad, Nauka, 1969, pp. 92–150.

Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Ehpokha". 1864–1865* [The magazine of M. M. and F. M. Dostoyevsky "Epoch". 1864–1865]. Moscow, Nauka, 1975, 302 p.

Ornatskaya T. I. Deyatel'nost' Dostoevskogo v Obshchestve dlya posobiya nuzhdayushchimsya literatoram i uchenym (1859–1866) [Dostoyevsky's activities in the Society for the allowance of needy writers and scientists (1859–1866)]. In: Dostoevskiy.

Materialy i issledovaniya [Dostoyevsky. Materials and researches]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otделение, 1987, pp. 238–260.

Semenov-Tyan-Shanskiy P. P. *Memuary* [Memoirs]. Petrograd, Family ed., 1917, vol. 1. *Detstvo i yunost'* (1827–1855) [Childhood and youth (1827–1855)], 336 p.

25 let. 1859–1884. *Sbornik, izdannyi komitetom obshchestva dlya posobiya nuzhdayushchimsya literatoram i uchenym* [25 years. 1859–1884. The collection published by the committee of the society for the allowance of needy writers and scientists]. St. Petersburg, 1884, 592 p.

Val'skaya B. A. *Puteshestviya Egora Petrovicha Kovalevskogo* [The travels of Yegor Petrovich Kovalevsky]. Moscow, GeografGIZ, 1956, 200 p.

Val'skaya B. A. *Puteshestvennik E. P. Kovalevskii i peterburgskie literatory (1861–1868)* [The traveler E. P. Kovalevskii and the St. Petersburg writers (1861–1868)]. In: *Strany i narody Vostoka. Vyp. 27* [Countries and peoples of the East. Issue 27]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 1994, pp. 224–258.

Yakubovich I. D. *Neizvestnye delovye bumagi Dostoevskogo* [Unknown business papers of Dostoyevskii]. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoyevsky. Materials and researches]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otделение, 1987, pp. 261–266.

Zaborova R. B. F. M. *Dostoevskiy i literaturnyy fond (po arkhivnym dokumentam)* [F. M. Dostoyevskiy and the literary fund (according to archival documents)]. *Russkaya Literatura*. 1975, no. 3, pp. 158–170.

List of sources

Rukopisnyy otдел Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (RO RGB) [Manuscript Department of the Russian State Library], coll. 93, cardboard 5, item 80, 81.

Rukopisnyy otдел Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (RO RNB) [Manuscript Department of the Russian National Library], coll. 356, item 259

Информация об авторе

Елена Владимировна Александрова, аспирант

Information about the author

Elena V. Alexandrova, postgraduate student